
ПОЕДИНОК

Мария Артемьева

Поединок

«Автор»
2026

Артемьева М. Г.

Поединок / М. Г. Артемьева — «Автор», 2026

19 век, захолустный городок Судожь и старинное дворянское поместье скрывают тайны, о которых никто до поры не догадывается, пока нежданные гости не навестят семейство романтичной девушки Саши Сухинич и ее сестры Ольги. После этого визита события закрутятся, сплетясь в невероятный узел: древние легенды, странная эпидемия, пропадающие мертвецы, дуэль и разрушенная помолвка... А развязка выйдет такой кровавой, что аукнется во всей губернии.

© Артемьева М. Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
Глава 1. МЕРТВЕЦ ПРОПАЛ 7
Глава 2. ПИСЬМО 16
Глава 3. ВОЛЧИЙ ХУТОР 20
Глава 4. ТЕНИ 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Мария Артемьева
Поединок

(Роман. Вторая часть цикла "Нежить")

«Чаю воскрешения мёртвых и жизни будущего века».
Символ веры

«Всё живое противоборствует друг с другом».

ПРОЛОГ

***

Где-то в доме отчаянно плакал ребенок. Саша вышла из комнаты и кинулась по лестнице вниз, чтобы отыскать его, но, спустившись на два пролета, с удивлением обнаружила, что лестница гораздо длиннее, чем была еще днем. Она уходила куда-то глубоко под землю, эта лестница, и там, в дальнем ее конце, на последних ступеньках клубилось черное облако, похожее на тень громадного живого существа. Или, может быть, само это облако и было живым существом? При одном взгляде на него пробирал озноб. Идти вниз совсем не хотелось. Вот только как быть с ребенком?

Малыш надрывался, заходясь в плаче где-то там, внизу. Нельзя же бросить его без помощи, одного… Ах, если бы чуточку света сюда! Хоть один лучик!

Саша остановилась, вытянула шею, привстала на цыпочки в попытках разглядеть что-нибудь в кромешной тьме. Ребенок заплакал, всхлипывая. Но вдруг умолк.

- Эй, ты где? – прошептала Саша.

- Кто идет по пустой лестнице? – откликнулся чей-то голос совсем рядом.

От неожиданности Саша покачнулась и, оступившись, рухнула во тьму…

Глава 1. МЕРТВЕЦ ПРОПАЛ

Россия, Тверская губерния, август 1820 года, накануне дня праздника Преображения Господня

На подъезде к селу Большому Горелому лошади дернули и встали.

От внезапного толчка двое господ путешественников, дремлющих внутри крытой повозки, проснулись и выглянули наружу. За серой пеленой дождя у дороги копошилась толпа крестьян, перекрыв совершенно проезд возле храма, двери которого были распахнуты настежь.

Внутри него, захлебываясь, голосили бабы, плакали дети. Мужики, сгрудившись у церковной ограды, беспокойно переговаривались.

- Что такое? Хоронят кого-то? – спросил, протерев заспанные глаза один из путешественников – полноватый юноша с милыми чертами лица и вишнево-карими оленьими глазами.

Второй путешественник - постарше первого лет на десять-пятнадцать, синеглазый жгучий брюнет с сухим аристократическим лицом, стукнул в стену возка, призывая кучера, и негромко приказал:

- Гони их, Архип. Мы торопимся.

- Эй вы, а ну, дорогу! Расступись! – возница махнул кнутом, но ближайший к нему плечистый рыжебородый мужик обернулся и перехватил плеть.

- Ты потише, мил-человек, - с угрозой сказал он. – Зашибешь кого – на себя пенять будешь… Тут, вишь, и без вас не сладко.

- Дак а что ж? Баре торопятся, проехать надобно, - растерялся возница.

Рыжебородый угрюмо кивнул.

- Эй, мужики! Пропустите-ка! – взяв под узцы коренного, он пошел вперед, выводя повозку за пределы толпы. Люди, оглядываясь и ворча, расступались.

- Что это творится у вас? – спросил возница, с опаской поглядывая на могучие плечищи рыжебородого. – Помер кто?

- Во многом знании – многая печали, - проворчал мужик. - Тебе-то что?

- Экой ты грамотный. А я любопытный! – ответил возница.

- Не скрытничай, дядя, скажи. Ежели интересное – полушку дам, - посулил, зевая, темноглазый юноша. Наблюдая из окна повозки, он слышал их разговор.

Мужик оглянулся на барина и нехотя ответил:

- Пастуха нашего волки задрали. Уж с месяц будет, как эта серая братия житья деревне не дает – коров из стада таскают, собак на части рвут… Пастух Силантий от них палашом отбивался. А надысь нашли мы его с перерванным горлом.

- Так значит, пастуха новопреставленного хороните? – спросил возница и перекрестился.

- В том-то и беда, - сказал мужик, оглядываясь тревожно. – Некого хоронить! Мертвец из церкви пропал. Гроб разоренный стоит, а покойника нету.

Он снова перекрестился, оставил лощадь, и, подойдя к возку почти вплотную, объяснил угрюмо и тихо:

- Народишко опасается, что пастух наш… сам ушел.

- Какой пастух? Который покойник? – юноша усмехнулся и толкнул в бок своего спутника. Возница на облучке, услыхав слова мужика, перекрестился снова.

Синеглазый брюнет нахмурился.

- Что за дичь ты тут врешь?! – сказал он.

Мужик склонил голову.

- Не гневайтесь, барин. Мы люди простые…

– Погоди, Алексей! Тут интересное. На-ка тебе монетку, приятель, расскажи еще! Почему же, ты думаешь, у вас покойники ходят? – юноша протянул мужику обещанную монетку. Тот поклонился, сунул денежку за пазуху, и выложил, что было у него на уме.

- Оборотень в здешних лесах завелся.

- Чего?!

- Оборотень – вот чего! В соседнем селе утопленника хоронили – так от его могилы на другой же день ничего не осталось: разворошил… Сами подумайте: какой же зверь станет глыбокую могилу ворошить? Да еще летом! Нет, баре, как хочете судите, но ходит, ходит по нашим краям черт… Резвится. За все наши грехи!

Широко омахнув себя крестным знамением, рыжебородый трижды плюнул через левое плечо и вдруг бросился от повозки наутек - обратно, к церкви.

Путешественники и возница, озадаченные, смотрели ему вслед.

- Давай-ка, трогай, - сказал, наконец, брюнет. По его красивому лицу пробежала сердитая нервная судорога. – Ночевать, что ли, тут собрался?

- Да уж что и говорить, барин, - откликнулся возница, очнувшись от ступора. - Не охота бы тут застрять. Нарассказал страстей проклятый мужик, да еще на ночь глядя. Только ведь дорогу-то от дождя развезло, уж не знаю, как доберемся?

Щелкнув над головами лошадей кнутом, он прикрикнул на них:

– Ну, пошла! Ну, мертвые!

Лошади тронулись, оскальзываясь на бурой, жирно блестящей глине. Путешественники внутри повозки взглянули друг на друга.

- Что думаешь, Алексей? – сказал юноша. – Вот она, русская дикость, верно? Все же без просвещения российского народа…

- Ох, Владимир! – поморщился синеглазый Алексей. - Неграмотный мужик всюду одинаков. Давно ли в Европе ведьм жечь перестали? Всюду ведь одно и то же: бабьи сплетни да мужицкое пьянство. Никогда я этого не мог понять - на что мужику просвещение? Дурацкие затеи.

- Циник ты, Алексей! - усмехнулся юноша. – Как же без просвещения?!

- А вот так. Мужик землю пашет, и пусть себе. Да не хочу я с тобой снова спорить! - отмахнулся Алексей, глядя в окно на темнеющие поля.

- А все же любопытная история. Как думаешь, куда их покойник делся?

- Ты ж сам слышал: ушел. Какая нам разница – куда? – пожал плечами Алексей.

Владимир хихикнул. А его друг, во избежание новых вопросов и предположений, спросил сам.

- Расскажи лучше, чем думаешь перво-наперво заняться теперь, после университета?

Юный Владимир вспыхнул от удовольствия и принялся рассказывать о своих планах и прожектах – обширных, но довольно туманных. Из всего, что он говорил, понять можно было лишь одно: молодой человек уверен, что будущность ждет его непременно блестящая и счастливая.

Алексей слушал приятеля с улыбкой, пока тот, укачавшись, вдруг не начал зевать, и, словно усталый ребенок, не заснул на полуслове.

Алексей заснуть на мог. С нетерпеливым и мрачным выражением смотрел он в окно на дальние поля, укрытые дождем, на черный лес и лиловые тучи, плывшие с востока. По лицу его то и дело пробегали тени – отражения беспокойных мыслей.

Тверская губерния, имение «Ключи», август 1820 года, спустя пять дней после праздника Преображения Господня.

«Если кто-то из ваших домочадцев поранился, не допускайте, чтобы кровь ваших близких могла быть собрана кем-либо, к кому вы не испытываете доверия. Ибо кровь человеческая, будучи использована в колдовских обрядах…»

Саша опустила перо и книгу, из которой переписывала любопытные сведения, прислушалась. Да нет, все тихо в доме.

Успокоившись, она вернулась к своему занятию.

В свою особую заветную тетрадку она заносила все необычное, загадочное и страшное, что происходило в ее жизни (увы, почти ничего) или удавалось прочитать (тоже увы, книг таких было очень мало) или где-то услышать (а вот этого было в достатке благодаря горничной Агаше - неиссякаемому источнику слухов, баек и сплетен).

К сожалению, Агаша была единственной, кто разделял Сашин интерес ко всему жуткому и потустороннему. А вот старшая сестра Саши - Ольга - часто над этим насмехалась. Она же уверяла, что сходство Сашиных и Агашиных взглядов объясняется отнюдь не любознательностью горничной, а ее чудовищной ленью. Дескать, чем убирать постели и комнаты, этой дворовой девушке проще чесать языком да пугать барышню деревенскими выдумками.

Книга, из которой Саша выписывала теперь про магические свойства крови, была «Чудеса натуры», сочинение Сиго де ла Фона, изданное в Москве переводом с немецкого. Саша отыскала этот старинный томик в библиотеке. Его основательно погрызенный мышами переплет от дряхлости почти развалился, страницы отсырели и слиплись, покрывшись разноцветными пятнами плесени.

Матушка, увидав его, пришла в ужас и велела тотчас уничтожить «Натуру». Она даже кликнула Агашу, чтоб та отнесла книгу к печке и сожгла немедленно, но Саша упросила повременить, пообещав, что сама сожжет книгу, когда выпишет из нее все нужное. Вообще-то она надеялась, что матушка о книге забудет, и тогда «Натуру» можно будет оставить у себя.

Какой-то тонкий звук примешался к шуршанию дождя за окном. Саша прислушалась. Да нет, показалось. Чего только не примерещится в ночную пору! В спящем доме царила глухая, ватная тишина. Свечное пламя качнулось от Сашиного дыхания, по стенам комнаты побежали тени.

Недавно Агаша рассказала Саше новую сплетню - о чудовищном оборотне, появившемся в здешних лесах.

- Говорят, является он в ночи, невидимый, и плачет – тоненько, как кутенок или младенец грудной… Пищит, пищит. А если кто выглянет в тот час из дверей – взрослого до смерти забьет, а ребенка в лес утащит. И уж детей по деревням пропало – ужасти сколько! Говорят…

- Кто говорит? – сладко замирая от ужаса и бегущих по спине мурашек, спросила Саша.

- Марьюшка сказывала.

- Кто это - Марьюшка?

- Черница-кАлика из Старицкого монастыря.

- КАлика? А она не врет? – спросила Саша.

- Да где ж ей врать?! Она ж невеста Христова, монашка, им лгать не положено! – возмутилась Агаша. – Ну, слушайте дальше…

Но она не успела ничего рассказать. Из-за двери до них донеслось тоненькое, жалобное хныканье и писк.

- Что это, а?! Что это, Агаша?! – взволновалась Саша.

- Не знаю, - ответила та. - Должно быть, коты… Они, когда дерутся, дурниной орут.

- Да ты что, Агаша? Откуда у нас коты в доме?!

Глупо тараща глаза, Агаша пожала круглыми плечами. Толку от нее не было никакого.

Саша открыла дверь и вышла из комнаты. Ступив на лестницу, она осторожно перегнулась через перила, глянула вниз и заметила, что там, на последних ступеньках воздух как-то странно колышется. Дым? Но ведь ни гарью не пахнет, ни отсветов и языков пламени не видать.

Хныканье послышалось вновь. Оно доносилось оттуда – из кромешной темноты, как будто где-то там плакал ребенок.

И тут Саша вспомнила: этот сон уже снился ей. Сейчас внизу появится облако.

И облако появилось. Оно двигалось, словно тень громадного живого существа. Или, может быть, само это облако живое?

- Кто идет по пустой лестнице? – услышала Саша печальный тихий голос.

Ей захотелось убежать, но она застыла, не в силах пошевелиться - ноги словно прилипли к ступенькам лестницы. И при этом мало-помалу она все-таки сползала вниз. Потому что лестница двигалась!

Она гнулась и складывалась, будто карточный домик.

А ребенок все хныкал, всхлипывал и выл, заходился в беспомощном надрывном плаче. Нельзя бросить кроху одного, без помощи… Вцепившись в перила лестницы, чтоб не провалиться совсем, Саша привстала на цыпочки и вытянула шею, пытаясь рассмотреть что-нибудь во мраке, который царил внизу. Эх, хотя бы лучик света сюда…

- Кто идет по пустой лестнице?

Никто…

Грянул громовой раскат над домом, железной бочкой прокатился по крыше, все вокруг залило белым сиянием. От неожиданности Саша покачнулась, и, ослепленная вспышкой, полетела вниз, во тьму…

Очнулась, конечно, у себя в комнате. Она лежала на кровати, а книга – драгоценные "Чудеса натуры", сочинение Сиго де ла Фона, и ее заветная тетрадь – всё валялось на полу, раскрытое, переплётами вверх, со смятыми страницами.

У кровати стояла сестрица Ольга и укоризненно качала головой.

- Опять всю ночь свою ерунду писала? Ох, Сашка, и когда ты повзрослеешь, наконец!

- Ты слышала? В доме ребенок плакал.

- Когда?

- Ночью.

- Ничего не слышала.

- Значит, точно приснилось, - Саша провела рукой по вспотевшему, в испарине, лбу. Сон! Но сердце до сих пор колотится и руки влажные. – Второй раз уже. В соннике говорится, что если маленький ребенок приснился – то это не к добру.

- Ой, да не снилось тебе ничего! – Ольга усмехнулась и присев на постель, обняла сестру. - Ты просто, видимо, сквозь сон услыхала маменькин и папенькин разговор. Они тут на лестнице стояли, возле твоей двери. Нынче ночью Павлушка заболел.

- Заболел? Сильно? – встревожилась Саша. Павлушка был маленький сынок кухарки Настасьи – веселый трёхлетний бутуз, всеобщий любимец, постоянно смешивший весь дом.

– А за отцом Феофаном уже послали?

- Еще утром. Вставай скорей. Маменька ждет. Как ты долго спишь! Уж обед скоро.

***

Спустившись вниз, сестры услышали, как слуги гремят посудой, накрывая на стол. Возле распахнутых дверей гостиной их маменька - хозяйка имения «Ключи», Лидия Владиславовна СухЕнич – разговаривала с игуменом - отцом ФеофАном, настоятелем СтАрицкого мужского монастыря.

Когда-то в молодости отец Феофан служил военным хирургом, и теперь, содержа при монастыре благотворительную лекарню для крестьян, считался лучшим в округе целителем.

- Так что, батюшка Феофан? Поправится мальчик? – заглядывая могучему старику снизу вверх в глаза, спрашивала Лидия Владиславовна.

- Поправится. Коли натура и бог помогут, - прогудел отец Феофан.

- Дай бог, дай бог! – кивнула Лидия Владиславовна, крестясь. Завидев спускавшихся дочерей, она подозвала их подойти ближе. - Идите, примите благословение.

Девушки почтительно склонились перед стариком. Феофан коснулся лба каждой перстами, сестры поцеловали ему руку.

- Девочки, к столу, к столу! Вы знаете, батюшка… - провожая гостя в столовую щебетала Лидия Владиславовна, - Мальчик, хоть и кухаркин сынок, а мы любим его, как родного. Такой забавник. Как начнет плясать – все хохочут. И до чего славное, ласковое дитя, просто ангелочек. Неделю назад прибежал ко мне: «На, говорит, матушка, малинки!» Девки его с собой в лес брали, так он там нарочно для меня малинки собрал. И всегда матушкой зовет. Его и муж обожает, он ведь крЕстник его.

- Да, забавный мальчонка, - выходя навстречу гостю, сказал хозяин дома – гвардии полковник в отставке, высокородный дворянин Павел Степанович Сухенич.

Лидия Владиславовна запнулась. Даже на третьем десятке лет своего замужества она все еще опасалась совершить оплошность в том, что касалось светского "bon ton" (бон тон).

Дед Лидии Владиславовны, урожденной МякУшиной, происходил из купцов. Дворянство он купил для себя и жены на миллионные доходы от торговли лесом, и, хотя всё многочисленное потомство одарил не только богатым наследством, но и весьма недурным домашним образованием, Лидия Владиславовна всё еще краснела и считала нужным постоянно оглядываться на мужа.

А Павел Степанович, смолоду больше воюя и просаживая деньги за карточным столом у себя в полку и на бегах, отнюдь не являлся знатоком светского этикета. И вместо того, чтобы помочь супруге в ее затруднениях, обыкновенно хмурился, сосал пустую незажженную трубку и вообще строил из себя дикаря и мизантропа. А иной раз и весьма удачно прикидывался контуженным.

- Выздоровеет наш Павлушка? – спросил игУмена Павел Степанович.

- С божьей помощью справимся с лихоманкой, - кивнув кудлатой седой головой, ответил отец Феофан. - Отвару липового давать почаще, меду… От жара укусом обтирать. И молиться. Обойдется!

Хозяева и гость прошли к столу.

***

Однако начатую было трапезу прервали в самом начале. Когда слуги уже разносили блюда, в «Ключах» объявился еще один гость. Его немедленно провели в столовую.

Сестры при виде его заулыбались: пятнадцатилетняя Саша – весело и дружески, а белокурая семнадцатилетняя красотка Оля - кокетливо.

Лидия Владиславовна, запинаясь, отрекомендовала новопрИбывшего:

- Отец Феофан, э-э-э… Вы знакомы? Белкин Иван Петрович. Литератор… э-э-э… Известный, - И она с беспокойством оглянулась на мужа: всё ли правильно сделала? Но Павла Степановича больше занимал суп из карасей, собственноручно им выловленных в пруду нынче утром.

- Сладкие карасики, - причмокивая, невпопад сказал он.

- Наслышан, наслышан. Но какими же судьбами вы внезапно в наших «палестИнах», господин Белкин? - густым голосом проговорил отец Феофан. – Вы ведь столичный житель, и, кажется, вот уж с десяток лет носу не казали в родные пенаты?

- А я теперь здесь в ссылке, - бодро объявил Иван Петрович – невысокий и некрасивый чернявый молодой человек, похожий на ярмарочную обезьянку в своём щёгольском сюртуке. Впрочем, неудачную внешность литератора совершенно искупали живой, смешливый взгляд и открытое выражение умного лица. Усаживаясь за стол, он с преувеличенным почтением кивнул Ольге и по-свойски подмигнул Саше.

И продолжил, обращаясь к отцу Феофану:

– Батюшка наш, господин император выразили неудовольствие недостойными вИршами моими. Разгневавшись, отослали в родительское имение. Со строгим наказом отбывать ссылку вплоть до особого распоряжения. Я здесь - личный узник императора, - с дЕланной грустью сказал Белкин.

- Вижу, однако, вы тут не сильно скучаете? – усмехнулся в бороду отец Феофан.

- Нет-с! Что нет, то нет! – Иван Петрович подвинулся, чтобы дать прислуге поставить перед ним прибор. И кинув взгляд на Ольгу, прибавил двусмысленно:

– Здесь так… красиво.

Простодушная Ольга намёка не поняла, а Саша фыркнула и чуть не подавилась супом. Иван Петрович подмигнул ей и обратился к отцу Феофану с вопросом.

- Скажите, добрейший отец Феофан, нет ли в уезде эпидемии? Слышал я дАавеча как в СтАрице на базаре мужики судачили о каком-то мОре. Будто бы в селе Горелом полдеревни в болезни полегло…

- Вот это новости! – всполошилась Лидия Владиславовна. – Неужто взаправду?!

- ТАк я слышал, – пожал плечами Белкин и взял ложку, чтобы есть принесённый ему суп. – Не угодить бы в карантин! Я все еще надеюсь получить помилование от императора. Не хотелось бы тут застрять, как это было со мной при холере в Молдавии.

Лидия Владиславовна тревожно взглянула на старца. Поэтому он ответил сперва ей.

- Вряд ли, милейшая Лидия Владиславовна, стоит нам беспокоиться! – прогудел он. И, повернувшись к Белкину, добавил:

– То Молдавия. А мы тут чрезвычайно далеки от всяческой заразы. Местность у нас здоровая. В реках и озерах - чистейшая вода…

- И рыба! А в лесах зверья - видимо-невидимо… Медведи, волки, лоси встречаются! Этого добра хватает! – оторвавшись от еды, похвастался невпопад Павел Степанович, заядлый охотник. - То и дело слышно – то медведь мужика заломает, то волки на одинокого путника зимой набросятся, лошадь сожрут. Да и на людей нападают, если бескормица в лесу. Дикая местность, не тронутая цивилизацией.

Все замолчали, не зная, что ответить на такое неожиданное выступление. А Павел Степанович, видя, что его слушают, воодушевился, отложил ложку и с энтузиазмом продолжил рассуждения.

- Да и народ здешний и дик, и темен. Лечат их бабки-знахарки заговорами и притираниями, зубы кузнец дерёт… Да вот еще - утешение! – добавил Павел Степанович со смешком, - блаженная Марьюшка, кАлика перехожая, чернИца - время от времени бесов из баб трусит святой водой и молитвами.

- Помогает? – с ухмылкой спросил литератор Белкин.

- Что именно?

- Ну, вот… Марьюшка-то эта?

Павел Степанович пожал плечами.

- Да если б точно знать, что они там были, эти бесы, - рассудительно пробасил он. - А так – кто ж нам и скажет?

Оля с Сашей переглянулись, и тихо прыснули в ладошки. А Павел Степанович, довольный, продолжил:

- Вправду, рассудите-ка, господа, сами: ведь ревИзских сказок на наличие в бабах бесов никто не писал!

Феофан хмыкнул, Белкин рассмеялся. Павел Степанович просиял победной улыбкой.

- Да-с. Чего нет, того нет. А жаль, не правда ли? Всех русских бесов переписать – затея полезная. Особенно в здешних местах. Верно, батюшка?

- Ничего особенного нету в наших местах. А что есть – так разве суеверия пустые, - сказал Феофан.

- А какие суеверия? – вмешалась в разговор Саша. Почуяв, что наконец-то разговор коснулся по-настоящему интересных для нее вещей, она попросила:

- Расскажите!

- В здешних местах довольно странные попадаются обычаи, - сказал Павел Степанович.

- Да обычаи, как и везде в России. Ничем особенным не отличаются, - настаивал Феофан.

- Не скажите, батюшка, - вмешался в разговор Белкин. – К примеру, пару дней назад был я в СУдожи – отпевали сына местного уЕздного стрЯпчего. Молодой человек выпил на день ангела лишнего и решил искупаться в ключе, у плотины на речушке местной – Тьме. И утонул.

Утопленника провожали всем городком – везли на повозке, и каждый, кто видел похоронную процессию, кидал от себя на дорогу за покойником горсточку дорожной пыли, а распорядитель с повозки швырял под колеса катафалка еловые ветки – иголками непременно назад. И все это ради того, чтобы, буде восстанет утопленник злым упырём, не вернулся б в родной дом, из которого вышел. Иголками чтобы укололся. И по пути никуда в чужое место не свернул – для того и пыль ему в глаза. Чтоб дорога ему одна – обратно на кладбище.

- А почему утопленник должен восстать? – спросила Саша.

- А в здешних местах все утопленники считаются нечистыми покойниками, - ответил, посмеиваясь, Белкин. - Из тех, что могут и вернуться… Упыри-с. Их и хоронят на особом месте – за оградой кладбища. Верно, отец Феофан? И обычай этот непоколебим. Уж на что почтенный человек стрЯпчий, и все семейство его на хорошем счету в городе. А вот подишь ты – сынок утонул, и как ни просил отец, как ни плакали сестра и мать, но против общества даже такой уважаемый духовный столп, как отец Феофан – и тот ничего не мог поделать!

ИгУмен нахмурился:

- Вы откуда знаете?

- С отцом утопленника лично знаком. Своими глазами видел: вырыли бедолаге могилку на пустыре за погостом. Разве что святой крест в ногах поставили хороший. Не из осины.

- Не из осины? – переспросила Саша.

- Нет. Из сосны, - пояснил Иван Петрович. – Из осины только совсем плохим мертвецам ставят. Ненадёжным.

- А разве бывали такие случаи, чтоб покойники возвращались? – спросила Саша, замирая.

Белкин сделал таинственное лицо и пожал плечами. Отец Феофан смотрел на его ужимки с подозрением. Уж не подсмеивается ли этот столичный хлыщ над авторитетом церкви? В наше время от молодых людей всякого можно ожидать.

- Расскажите еще, Иван Петрович! - попросила Саша.

Белкин немедленно откликнулся.

- Да вот хотя бы Волчий Хутор! Знаете ли, отчего многие местные за семь вёрст тамошнее имение обходят?

- Нет, - покачали головой девушки.

- А это интересно. Виной всему местная байка о Белом Отроке. Вы ведь ее тоже слыхали, отец Феофан?

Старик хотел было ответить чем-нибудь колким, да не успел: литератор опередил его и начал рассказ.

- Когда-то в незапамятные времена, - со вкусом проговорил Белкин, - стоял на том месте скит. Жили в скиту Иноки.

Жили отшельниками, на полном своём обеспечении: подаянием и собственным трудом. Разводили пчёл, пасеку держали, брагу варили. КЕльи для себя копали они, по обету, в земле. Там, под землей, и молельня у них была, и склады для бочек с хмельным. Когда этим монахам

приходила пора умирать – ложились они в своих подземных кЕлейках да читали молитвы, пока хватало сил. А как отойдёт такой монашек – другие монахи его отпоют, да и обвалят земляной потолок его кЕлейки – вот мёртвому и могила. А из монастыря новый отшельник придёт, новую себе кЕлейку выроет – таков был порядок.

Поскольку обратно в мир никто из монахов не возвращался, так за многие годы этим инокам уже и счет потеряли – сколько их там, живых ли, мёртвых ли? Никто и не знал. Один только и был знак людям, что монахи в том скиту еще живы: если холм гудит – значит, молитвы под холмом читают. И это слышали все издалека.

Но вот однажды холм замолчал. Пришли тогда люди из соседнего села: клИкали монахов, искали… Никого не нашли. Обвалилась земля в скиту и всех похоронила разом.

А почему обвалилась? Шептались люди, что среди иноков сам дьявол затесался – вылез из земли и начал с отшельниками шутки всякие вытворять, соблазняя на грех. Которые-то из монахов и не устояли! А за то, что соблазнились они – господь и весь их осквернённый скит наказал погибелью.

Белкин сделал паузу, чтобы осмотреть лица слушателей. В наступившей тишине стало слышно, как сопит прикорнувший в своем кресле Павел Степанович. Он всегда спал, насытившись за обедом. Зато остальные присутствующие смотрели на столичного литератора во все глаза. Саша была так захвачена его рассказом, что даже рот раскрыла, позабыв об этикете. Отец Феофан, хоть и сердился, но тоже слушал как будто с интересом.

- И вот, - убедившись, что ему внимают, продолжил Белкин, - с тех самых пор на месте бывшего скита является людям Белый Отрок. Немой мальчик, лицом светлый, тоненький как былинка, одет в лохмотья, но чистенький, а лицо грустное. Говорят, что Белый Отрок – это тот единственный Инок, который не согрешил вместе со всеми и принесён был Богом в жертву Аки Агнец невинный во спасение всей брАтии. Чистая душа его мается неприкаянной в ожидании того дня, когда монахи в Преисподней заслужат-таки прощение от Бога. И если встретишь Белого Отрока - все, что нужно сделать, это помолиться с ним вместе за грешные души погибших отшельников.

- Не трудное дело, - заметила Лидия Владиславовна, крестясь.

- Не трудное. Только некоторые говорят, что Белый Отрок – никакой не Инок, а тот самый дьявол, который монахов сгубил. Ходит по земле, радуется своей победе и продолжает соблазнять людей. И если кто совершит такую глупость, что помолится вместе с ним, или хотя б полушку ему в мИлостыньку подаст – тут же он и душу его себе заберет. Поминай, как звали!

- Господи, Царица Небесная! – охнула Лидия Владиславовна. Да так громко, что разбудила закемАревшего супруга.

- Что такое?! – встрепенулся Павел Степанович. – Покойники? Чьи?

- Ах, Пауль, ты все невпопад, - с досадой отмахнулась Лидия Владиславовна.

- Чепуха, выдумки, – буркнул отец Феофан.

Девушки, впечатленные рассказом, закидали Белкина вопросами:

- А кто видел этого Белого Отрока?

- Неужели всё это всерьёз? Экие страсти!

- А потом, какие же факты?! – сердито спросил Феофан.

Белкин, довольный произведенным эффектом (этого-то он и добивался - внимания к своей персоне) улыбнулся.

- Факты? Факты такие: владельцы имЕния, дабы освятить нечистое место, построили над бывшими кельями монахов часовенку. Она и пяти лет не простояла – сгорела. Говорят, из неё был когда-то ход под землю. Точно никто не знает, но по какой-то причине часовню так и не взялись восстанавливать. А нЫнешней весной, когда поправляли садовую беседку неподалеку, мужик один провалился в дыру, ногу сломал. Да так перепугался – страшился, что это ему ход

в проклятое подземелье открылся… Все местные ребятишки, как один, верят, что в сгоревшей часовне на берегу озера является оборотень-отрок.

- Откуда вы это всё знаете? – сердито спросил Феофан. – И когда успели сплетни собрать?

Белкин пожал плечами.

- Любознательный я! А люди, знаете, какие болтливые? Сами столько всего понарассказжут – знай только, уши топырь! А ещё и нянюшка моя старая, Анна КузьмИнишна, она в этой местности родилась. Всё про всех знает и про всякого.

- А всё ж таки, Иван Петрович… Белый Отрок этот – несчастная погибшая душа или дьявол? – спросила Саша.

- Об этом лучше отца Феофана спросите. Я в таком деле не судья! – развёл руками Белкин. Отец Феофан аж поперхнулся от столь наглой инсинуАции. Но Саша приняла слова литератора за чистую монету. Глаза её горели восторгом.

- Отец Феофан, как вы думаете? – спросила она старика.

- Я думаю – единственный способ это узнать: сходить вам, молодой человек, да и спросить у него самого! У этого вашего отрока! – сердито откликнулся Феофан, глядя на Белкина.

– И вправду! – сказала Саша. - Волчий Хутор… Это ведь не далеко отсюда? Давайте сходим, Иван Петрович!

Ольга улыбнулась: она чего-то подобного ожидала от сестры. Белкин беззаботно расхохотался. А Лидия Владиславовна испуганно замахала на дочь рукой.

- Ты что?! И думать не смей!

- Ох вы, сочинители! – укоризненно качая головой, загудел на Белкина отец Феофан. – Забиваете юные головы несуразными бАйками…

- Да я что ж?! Зашёл разговор о местных обычаях и порядках, вот я и… - изобразил невинность литератор. Но отца Феофана это не смягчило. Он сердито погрозил Белкину пальцем:

- Ох, смотрИте, проказник!

Встревоженная Лидия Владиславовна тоже сочла необходимым пригрозить – и сказала дочери:

- Смотри, Саша! Ежели с тобой что-нибудь случится… Я тогда тебя и на порог не пущу!

- Да что ж вы, маменька, со мной так-то? Как с ходячим покойником!

Лидия Владиславовна ахнула, а Саша рассмеялась и, сделав кнИксен гостям, сбежала из-за стола.

Замечательная мысль посетила её: отправиться в заброшенную часовню, отыскать там Белого Отрока и разгадать его тайну.

Саша прекрасно понимала, что подобный план наверняка не придётся по вкусу матери, да и отцу тоже. Тем более увлекательной казалась ей вся затея. После такого приключения уж точно будет, что записать в заветную тетрадку.

Глава 2. ПИСЬМО

После ухода Саши все переместились в гостиную, в ожидании обещанного хозяйкой кофею с пирожными безЭ.

Бравый Павел Степанович проснулся, с наслаждением засмолил любимый свой янтарный чубук с парчовыми кистями, а отец Феофан, несколько придя в себя, порадовал хозяев восхитительным слухом о том, что в ближайшее время в уезд собираются прибыть на манёвры два гусарских полка.

- Ах, дай-то бог, дай-то бог! – перекрестилась Лидия Владиславовна. – На мои именИны я упросила Павла Степановича непременно устроить бал. Всех соседей пригласим. А то ведь где молодым девушкам женихов нынче искать? Сами знаете, батюшка, как ограничено у нас светское общение. Какой тут выбор?

Наклонившись ближе к отцу ФеофАну, она указала глазами на опального литератора Белкина и доверительно вполголоса добавила:

- Разве что этот молодой человек. Вот только есть ли с него интерес, ежели он литератор, да ещё и ссыльный?

- Верно рассуждаете, дражАйшая Лидия Владиславовна, - поглаживая оклАдистую бороду, сказал отец ФеофАн, - За стишки, говорит, в ссылку отправили… Это какие ж, должно быть, были стишки, что батюшка государь-император человека дворянского роду-звания из столицы выгнал?! А? Вот и думайте.

- Ох, - тревожно покрутив головой, сказала Лидия Владиславовна. - Я уж и то себя корю: надо ль бы такого якобИнца, прости господи, в дом впускать? На правах соседа прибился как-то… А теперь уж и предлога нет отказать!

Она с беспокойством взглянула в другой конец комнаты. Источник её тревоги, ссыльный литератор Белкин, ничего не подозревая, сидел в дальнем углу гостиной и с ужасом вглядывался в синий бархатный альбом, положенный ему на колени Ольгой СухЕнич. Размерами и толщиной альбом этот напомнил ему ТалмУд.

- Увольте, Ольга Павловна! – отговаривался Белкин.

- Пишите! – наступала Ольга. – Вы же литератор! Да ещё известный!

- Но ведь меня выгнали из столицы! И как раз за стихи.

- Хватит кокетничать. Я не уступлю.

- Сжальтесь, Оленька! Какое кокетство? После столь сытного обеда ничего в голову хорошего не идёт! Кроме, разве что, рюмки брусничной настойки…

- Ах, вот как? – Ольга нахмурилась, капризно надув губки. – Стало быть, знаменитого столичного поэта не вдохновляет такая скромная провинциальная барышня, как я?

- Дорогая, вы вдохновите даже холодный неживой мрамор! – немедленно откликнулся Белкин. – Но я-то, верите ли, не настолько хорош как поэт, чтобы…

- Бросьте, Иван Петрович! Не отлынивайте! – приняв строгий вид, сказала Ольга. – Если вы хотя бы четырех строк для моего альбома не сочините – ни одного безЭ к кофею вам не видать!

- Сочинять стихи за пирожные… Вот он, горький путь профессионального литератора! – вздохнул Белкин.

- Нет, это сладкий путь! – возразила Ольга.

- Что ж, Ольга Павловна… Ради вас я на всё готов. Подчиняюсь! – сдался, наконец, поэт.

Ольга, ликУя, отошла и оставила Белкина одного, ожидать вдохновения и пирожных.

Литератор раскрыл альбом и принялся листать его в поисках идей. Здесь были, в основном, картинки - вклейки и перерисовки из журналов, выполненные рукой самой Ольги, её

сестры Саши, и их подружек; романсы с нотами, переписанные из песенных сборников Завадского, вопросы и ответы на них и прочая девичья чепуха.

Между десятой и одиннадцатой страницей был вложен листок, исписанный бисерным почерком и помеченный числом почти двухлетней давности.

Иван Петрович взглянул и заинтересовался: кто это пишет Ольге? Слово за слово, незаметно для себя он прочитал письмо целиком.

«За пять недель до ПокрОва, 1818 год, Санкт-Петербург.

Оленька, mon ami (мон амИ)!

Давно не писала к тебе.

Стоит лишь обмакнуть перо в чернила и взглянуть на белую равнину лежащего передо мной бумажного листа… Как я начинаю воображать, сколь долгий путь придётся проделать намаранным мною строчкам, прежде чем доберутся они до тебя. Мною овладевает отчаяние, и я уже не могу придумать ни одного веселого, энергичного слова, которое побежало бы к тебе от моего порога достаточно скОро, чтобы обогнать несметные вёрсты, набросанные между нами бесчувственной судьбой. По счастью, сегодня у меня есть восхитительная новость, которая не позволит опустить рук перед чудовищным расстоянием, нас разделяющим.

Вообрази: наша добрая веселушка ЗизИ выходит, наконец, замуж за своего занудубарона. Длительная помолвка завершилась. Оба семейства ужасно счастливы, в обоих домах только и разговору о свадьбе, всё в хлопотах и вверх дном – торопятся обвенчать молодых до великого поста. Ты, как и многие, наверное, удивишься: к чему вдруг спешка после двухлетней помолвки?

Увы. Дело в том, что свадьба могла и вовсе не состояться. Несчастный наш увалень-барон последние месяцы неожиданно впал в тоску. Родные и сама бедняжка ЗизИ то и дело пытались вызнать причины его жестокой меланхолии, но все их попытки ни к чему не привели. Барон терял аппетит, глаза его сделались тУсклы, стеклянны, а лицо серо. Из него словно тонкой струйкой выбегала жизнь, как если бы кто-то проделал невидимую прореху в его груди.

При этом внешне он продолжал вести себя совершенно так же, как обычно: те же друзья, тот же круг университетских товарищей, те же балы у РадзивИллов, четверги у ГОрецких и театр по вторникам. Но бедная ЗизИ уже не раз плакала на моём плече, утверждая, что её любезный как будто совсем утратил к ней интерес. «Полли, он говорит, а мне чудится, что это механическая кукла внутри него разговаривает со мной его голосом!»

Признаться, у меня по коже мурашки бегали от таких фантазий, однако я приписывала эти странные истерИческие заявления её крайней тревоге и неопытности первого чувства…

Но однажды мне довелось подметить, с каким беспокойством смотрела на барона его собственная мамАша в момент, когда сын её общался с друзьями. Она обменялась взглядами со своим супругом, а потом, заметив, что я наблюдаю за ней, вздрогнула и спрятала глаза. Она попробовала даже улыбнуться как ни в чем не бывало, но, разумеется, меня это нисколько не обмануло. В тот момент оба родителя барона походили, скорее, на обеспокОенных заговорщиков, нежели на счастливых стариков, устроивших судьбу своего сына. Какие же есть поводы у них так тревожиться? - подумала я. Признаться, их необычное поведение заставило и меня взволноваться. И не только за барона, но и за нашу ЗизИ.

А теперь та неуёмная радость и гордость, с какой в обоих семействах нынче готовятся к свадьбе, определенно показывает, что страхи близких в отношении барона существовали и были весьма серьёзны. Он как будто излечился внезапно от смертельной болезни, или ему отменили карающий приговор!

И вот на днях я получила отчасти объяснение этой загадки - несколько туманное, решишь ты, несомненно, но всё же!.. Один из новых друзей барона, смешливый молодой офицер РакИтин (ты его не знаешь) признался мне, что свадьбы могло и не быть вовсе.

- Искать смысл жизни в чём-то, помимо вина, хорошей драки и хорошенькой женщины – такое поведение всегда приводит мужчину на грань сумасшествия, - сказал он мне. – Вот и наш счастливчик барон. Стоило скрыться из его компании одному типу, совратившему барона на нехорошие Умствования – и посмотрите: наш друг засиял, как новый пятак! Не то ходил бы всё смурным. Или того пуще – загнал бы самого себя в могилу! Да этот ЕлАнин, убийца и некромант… Или хиромант? А, чёрт его разберешь! Не одну свадьбу он, говорят, расстроил… Так что, если б он не уехал, наконец, кто знает, чем бы кончилось…

Убийца?! Некромант?! Как ты понимаешь, я тут же навострила ушки, но РакИтин вдруг спохватился, словно выдал нечаянно чей-то секрет, и попытался замять разговор. Но я была настороже - обольстительно улыбнулась и вцепилась в него, чтоб вытянуть подробности: какой такой ЕлАнин, что за некромант?.. Но разговор наш состоялся у АпрАксиных, а ты знаешь, как шумно у них бывает. Прибежали девицы ГОрецкие, стали звать всех к роялю, нас отвлекли, и РакИтин ловко вывернулся, так ничего толком и не рассказав. Одно я поняла: этот женоненавистник ЕлАнин явился недавно к нам в Петербург из Европы, где умудрился он вступить в некое тайное общество, какие-то последователи или жрецы ТОта. Вся деятельность их оккультного кружка пропитана языческой магией и, разумеется, богохульна и противна закону. Это связано с мёртвыми и какими-то ужасными обрядами, где используется человеческая кровь. Представь, какие ужасы! О, эти европейские варвары!..

Тогда я расспросила о ЕлАнине саму Марию Гавриловну: она призналась, что в их доме он постоянно бывал с самого приезда своего из Праги. И у неё точные сведения от фрейлины Анны Павловны: его отец, Петр Андреич ЕлАнин – человек чрезвычайно богатый, был в большом фавОре у прежнего императора, да и вся семья старинного и хорошего рода. Два роскошных дома в Москве и Петербурге, по слухам - богатые имения в Лифляндии и где-то ещё - кажется, в Малороссии… А сам Алексей ЕлАнин – а речь именно о нём, о сыне Петра Андреича, - невероятно хорош собой, но характера престранного и дикого.

Учился он в Европе и Египте (чему можно учиться в Египте?! У кого?!), странствовал по Востоку, был в Персии и Месопотамии, даже в Индии и на Пряных островах. По-видимому, побывал в Греции во время восстания, там кого-то убил, бежал в Прагу, а после – зачем-то к нам в Петербург, но и здесь, слава Б-гу, не задержался. Куда-то унесло его теперь? Не знаю.

Зина говорит, что накануне того самого дня, когда бедняжка барон, наконец-то, пришёл к ней с предложением обвенчаться, она разговаривала с этим ЕлАниным. «Вы любите барона?» - спросил он её. И так уставился из-под насупленных бровей - а глаза холодные, ледяные - что бедняжку ЗизИ просто в дрожь кинуло. Она растерялась – ну кто в обществе задает такие вопросы? И только от растерянности ответила: да. Просто – «да!» Как дитя перед строгой гувернАнткой. ЕлАнин неприятно усмехнулся и отошёл. Молча. Не поцеловав руку, не объяснив своего поведения, даже не попрощавшись! Омерзительный тип, и ко всему ещё и грубиян. Он так напугал ЗизИ.

«В его присутствии я обычно и рот открыть боялась. Он похож на хищную птицу, которая острым глазом высматривает, куда нанести удар! Когда я была девочкой, на меня вот так же глянул вОрон. С того времени я ненавижу этих птиц и всегда велю дворне отгонять их, если они появляются у нас в саду!» И даже то, что этот ЕлАнин, как говорят, красавчик необыкновенный – даже это не искупает его грубости и странного поведения. ЗизИ боялась его, и я рада, что этот ужасный ЕлАнин уехал от нас.

И к счастью, сорвать свадьбу ЗизИ и барона ему не удалось. Искренне надеюсь, что из России он вОвсе выехал. И, следовательно, никому из нас не придётся иметь с ним никогда дело. И хватит о нем.

Ах, милая Оленька! Я буду на седьмом небе от счастья, если твои родные соберутся всё же приехать и побывать на свадьбе ЗизИ! Mon sher ami! (Мон шер амИ) Это будет грандиозное празднество. Петербург весь бурлит в предвкушении.

Пожалуйста, дружочек, постарайся! Мой дорогой муж просит тебя о том же и передаёт привет твоей младшей сестрёнке (Борис спрашивает: она всё тот же смешливый сорванец?) и всему вашему милому семейству.

Всегда твоя ПолИна, княгиня ТормАсова, урождённая ЛапИщева».

- Убийца и некромант, - повторил вслух Иван Петрович, откладывая письмо с альбомом и цокая языком. – Вот, значит, как!

Два дня назад, проезжая СтАрицу, он слышал, как почтмейстер, разговаривая с проЕзжими, ссылался на то, что Алексей ЕлАнин, наследник самого богатого местного землевладельца, забрал на почтовой станции всех свежих лошадей.

- Некромант. Ох уж эти великосвЕтские сплетни… Но кто б ни был этот Алексей Еланин, а здесь ему, по-видимому, суждено стать ещё большим изгОем, чем мне, - разговаривая с самим собой, усмехнулся Белкин. - Сочувствую.

И тут же сделал кислое лицо, изображая томную печаль: в комнату вернулась Ольга, а вслед за ней слуги внесли подносы с кофе и безЭ, которые ему ещё предстояло заслужить.

Глава 3. ВОЛЧИЙ ХУТОР

Конечно, самым правильным было бы улизнуть из дома рано утром, чтобы успеть незаметно вернуться до обеда.

Не получилось: разволновавшись накануне, Саша допоздна не могла заснуть. В результате проснулась и встала поздно, пропустив первый завтрак, а после второго папенька вдруг потребовал, чтобы дочери спели ему. «Хандра нашла! - пояснила маменька. – Потешьте отца, девочки!»

Всё семейство разместилось в гостиной. Лидия Владиславовна аккомпанировала дочерям на стареньком клавесине, и они перепели батюшке все его любимые романсы — от «Колокольчика» до «Могилы рыцаря», а в конце, как всегда, военную:

«Уж много лет прошло с тех пор*,
Когда по Адовой долине
Наш полк скакал во весь опор,
Подобно снеговой лавине.

Спят мёртвым сном, таков удел,
Драгуны — воины седые.
Не прозвучит уж им аппЕль
Призывом в бой, как в дни былые.

Дрались под МИром и под Красным,
Дрались в бою ШевардинА,
Воспоминанием ужасен
Французам день Бородина.

Сам Царь венчал драгун наградой,
Драгунский кивер отличён
Наградой, Царскою отрадой
Навеки полк запечатлён.

И памятник тому есть вечный:
Штандарт Георгиевский в строю,
Под ним умрёт драгун беспечный,
Сложивший голову в бою».

На последнем куплете батюшка так растрогался, вспомнив о своих погибших боевых товарищах, что у него слёзы из глаз потекли. И даже обедать идти не захотел — насилу его всем семейством уговорили. Тут уж Саша никак не могла улизнуть пораньше: жалко было отца, он совершенно поник. Все старались его развеселить и отвлечь.

Лишь к самому концу трапезы, после тушёного в вине кролика с домашней вишнёвой наливочкой, после чая с пирожками и марципанами, батюшка, наконец, вполне утЕшился и удалился к себе в кабинет «заниматься счетАми». На самом деле он, как всегда в это время, выкурив трубку-другую, заснул, развалившись на старой оттомАнке, пока его любимый пес ЦезАрик дремал, свернувшись калачиком, у него в ногах.

Лидия Владиславовна тоже ушла — «отдать распоряжения к ужину». (На самом деле повариха и камердИнер отлично справлялись с вопросами питания и сами, так что хозяйка имения в эти тихие послеобеденные минуты, как обычно, заперлась в будуАре и, забравшись с ногами на кровать, читала и перечитывала свои излюбленные романы — «Последнюю Элоизу или письма Юнии СализбУри» и «Любовный вертоград, о непреоборимом постоянстве КамбЕра и АрисЕны»).

Оля, объявив сестре, что идет писать письмо к подруге княжне ТормАсовой, какое-то время действительно раздумывала над письмом, покусывая в нерешительности кончик пера, но спустя полчаса мучительных размышлений провалилась в сон — и благополучно спала без сновидений, сладко посапывая, до самого ужина.

В эти часы Саша и улучила момент — никому не сказавшись, собралась, накинула тёмный клетчатый cloak (клок) — и потихоньку выскользнула из дома, когда ни в гостиной, ни во дворе никого из домашних не было.

***

Дорогу она ещё накануне, будто бы между делом и невзначай, вызнала у полуслепого старичка ХаритОна, который в имении «Ключи» ходил за лошадьми и сидел почти всегда у конюшни.

По его словам, идти ей было недалекО — сразу за подъезднОй аллеей, выйдя на перепутье, повернуть в сторону от СтАрицы на КрАсное, миновать верхний пруд, и, не доходя до сельца Петрова, пойти от мельницы направо тропинкой вдоль бора — до сожжённого молнией старого вяза, а дальше — влево, через мост, позади которого, за рощицей, уже и сам Волчий ХУтор виден.

— Что-то далёко очень, — засомневалась Саша, выслушав старика. — Не заблужусь?

— Это говорить долго. А вы, барышня, добежите скорей, ноги-то молодые, — ухмыльнулся ХаритОн. — Но, ежели опасаетесь, можно лошадку оседлать. Или коляску заложить. Это мы быстро, вот я МирОна кликну. Это мы мигом!

— Нет, нет! — испугалась Саша. — Я так только, погулять. Для моциОну. Не надо коляску!

— Ну, смотрите, барышня. А то мигом — хоть колясочку, хоть возок. Хоть трОечкой, хоть цУгом!

— Нет, нет, ХаритОн. Да я, может, и не пойду. Я так только, из интересу спросила, — отговорилась Саша и убежала от старика.

Поездка на коляске тайной для родителей не осталась бы. А ведь маменька запретила навещать Волчий Хутор. Нет уж, лучше своими ногами.

«Как-нибудь доберусь», - подумала Саша, чувствуя, как закипает в ней азарт исследователя.

Выбравшись из дома никем не замеченной, она размашисто зашагала по высохшей глинистой дороге, с удовольствием разглядывая раскинувшиеся перед нею просторы сжатых хлебных полей. Вдали на горизонте, словно огромные пушистые звери, лежали и нежились высокие облака, и высохшая стерня Издали казалась мягкой, словно потёртый плюш, а вблизи — по-ежиному щетИнилась срезанными стеблями. Кое-где между остатками хлебных колосьев мелькали прижатые к земле, крохотные и хилые, но все ещё цветущие ромашки, васильки, лесные фиалки — привет уходящего лета.

Саша поднялась на холм. Здесь гулял ветер, свежий и сильный. Саша подставила ему лицо, вдохнула пьянящий аромат, и её захлестнул острый восторг. Оказаться на свободе, в полном одиночестве, предоставленной самой себе… Что может быть лучше этого?!

С таким же чувством восхищения молодые зверята уходят от норы, ради открытий и приключений покидая умудрённых опытом заботливых родителей.

Саша шагала быстро и, действительно, как и обещал ХаритОн, добралась до моста и рощицы, за которыми должны уже были показаться строения Волчьего Хутора, всего за час. По дороге она никого не встретила — только однажды, возле бора, из-под её ноги вспорхнула в небо какая-то мелкая птица. Саша шарахнулась от неожиданности и чуть не упала в буйные заросли пИжмы, лебедЫ и полЫни. Птицу разглядеть она не успела, но решила, что это, должно быть, пЕночка — перед глазами мелькнуло что-то серенькое, а что ж ещё это может быть?..

Добравшись до пригорка, она, наконец, увидела Волчий Хутор, его первую примету – обгорелую колокольню заброшенной церкви на берегу озера. Рядом, через тонкую полосу леса, виднелось и само имЕние.

«А всё же странное название. Совсем неподходящее для этого места,» - решила Саша, разглядывая небольшой, окружённый садом, изящный особняк в классическом стиле, с колоннАдой перед входом и мезонИном в три окна над ним.

Дом выглядел, правда, запущенным. Штукатурка на стенах облупилась, и усадьба смотрелась жалко, как больной после ветрянки. Впервые Саша задумалась: что же она будет делать, если и впрямь повстречает где-то тут призрака?

Всё же идти на такое приключение одной – большой риск. «Не повернуть ли обратно?» — возникла мысль.

Между тем погода испортилась. На слегка розовеющее сумеречное небо набежали фиолетовые тучи и поплыли за горизонт, теснясь, почти не пропуская свет, окрашиваясь вдали в самые зловещие цвета: словно кровь проливалась сквозь чернила.

«Может пойти дождь, дорогу развезёт, будет трудно идти обратно!» - голос разума в Сашиной голове, неожиданно заговорив, не собирался утихать.

Но и Саша, проделав уже такой длительный путь, отступать не собиралась.

«Белкин говорил, что ход в монастырское подземелье обнаружился при починке садовой беседки. Где же она?» Спустившись с холма в запущенный сад, Саша обошла стороной пышный куст шиповника, увешанный мясистыми красными ягодами, и заприметила белую ротОнду, закрытую со всех сторон деревянными решётчатыми ставнями. Двери беседки стояли распахнутыми.

«Это здесь, должно быть», - решила Саша и чувствуя, как мурашки побежали по её спине, ступила на низкое, заросшее травой, крыльцо. Из глубины беседки пахнуло на неё пылью и прЕлостью: сквозь раскрытые двери ветер заметал в ротонду опадающую листву, летучие семена клёна и липы, и всё это забивалось в щели, кучками скапливалось у стен и у подножия широкой полукруглой скамейки внутри.

Саша вошла в беседку и огляделась. Полы из свежих некрашеных досок были явно новые, крепкие. Судя по всему, их не так давно перестилали – дерево ещё не успело потемнеть. Если и впрямь существовал здесь вход в монастырский подвал, его, вероятно, закрыли, когда меняли полы.

- Ну, вот, - огорчилась Саша. – Опоздала!

Расстроенная, она присела на полукруглую скамью. И вдруг заметила какой-то белый клочок, зацепившийся за нижнюю окантовку скамьи – он трепетал, колышимый ветром. Что это, интересно? Ткань? Кусок кем-то оброненного платка? Или часть савана Белого Отрока?

Дрожь пробежала по Сашиной спине, но она нагнулась и холодеющей рукой потянула к себе клочок. Это оказалась смятая почтовая бумага. Чьё-то письмо?

Саша попыталась поднять бумагу и занозила палец расщеплённым куском дерева, который держал её.

- Ой, мама!

Вынув занозу, Саша дёрнула к себе бумажку и, конечно, разорвала её… Под ноги ей посыпались высохшие лепестки каких-то цветов.

- Дурацкие цветочки! – рассердилась Саша. Кровь из ранки на пальце капнула на лепестки. Резко и свежо вдруг запахло лилиями.

«Если вы увидите, что кто-то из ваших домочадцев поранился – не допускайте, чтобы кровь ваших близких могла быть собрана… Ибо кровь человеческая, будучи использована в колдовских обрядах, может причинить немало вреда,» - припомнилось Саше наставление из «Чудес натуры».

Голова у Саши закружилась. «Надо бы собрать эти запачканные лепестки», - подумала она. Но в этот момент снаружи послышался шорох: кто-то двигался к беседке через сад, шумно загребая ногами листья.

Саша запаниковала. Выскочив из беседки, она отбежала в сторону, за кусты шиповника, и уходила всё дальше и дальше, не заметив, что уже вышла за пределы сада в лес. Укрывшись за гигантской столетней елью, она рискнула оглянуться.

Возле беседки стояли двое мужчин. Они разговаривали тихо, вполголоса. Их лиц Саше не было видно. Она сделала шаг в сторону, чтобы разглядеть собеседников. И наступила на ветку. Как раз в это мгновение мужчины замолчали, и посреди ватной тишины звук прозвучал как выстрел.

— Слышал? Иди же! Хватай и тащи! Не смей упустить, животное! — оглянувшись, быстро приказал один из мужчин. Голос - холодный и злой – хлестнул, словно плетью.

И перепуганная Саша кинулась бежать. Ноги сами понесли её от опасного места – даже прежде, чем до неё дошел смысл сказанного. Ведь эти люди – должно быть, разбойники! Что они тут делают?!

Она бежала, не разбирая пути. Впопыхах не сообразила, что бежит в лес — туда, где нет дорог, а если и есть, то они не знакомы ей.

Ветки хлестали Сашу по лицу, цеплялись за подол платья, за рукава, она запыхалась, но продолжала лететь, сломя голову. Волна ужаса не отпускала её.

«Хватай и тащи», сказал тот страшный человек. Жуть какая! В ушах стучала кровь, шумел ветер. Запнувшись обо что-то во мху, она упала, чуть не расцарапав лицо еловой веткой. Счастье ещё, что от глаз удалось её отвести.

Зажмурившись, Саша замерла, ожидая с дрожью, что сейчас кто-то вцепится ей в спину, схватит за горло, потащит…

Но ничего не происходило. Никто не хватал, не вцеплялся, не тащил. Кругом было тихо. Только одежда Сашина постепенно намокала во влажной лесной подстилке. Становилось холодно.

Шевельнувшись, Саша рискнула приподняться, сесть и оглядеться. Вокруг был лес, незнакомый, полный вечерних теней. Саша хотела встать, но вдруг совсем рядом раздался детский плач – жалобный и тонкий.

От этого звука сердце Сашино ухнуло в пятки. Тихие сиротливые всхлипы сменялись отчаянными рыданиями, и от всего этого кровь стыла в жилах. Неужто и впрямь Белый Отрок?!..

Среди деревьев что-то мелькнуло. Саша напрягла глаза: да, так и есть. Что-то белое движется среди стволов, идёт в её сторону и шумно дышит. Невысокий светлый силуэт. Кажется, ребенок.

Белая рубашечка, растрёпанные волосы, за которыми совсем не видно лица… Он. Он, Белый Отрок! Нет, только не сейчас! Не надо! Саша почувствовала, что с неё хватит приключений.

Поискав рукой, на что бы опереться и встать, она наткнулась на что-то гладкое и холодное. Это оказался каменный крест.

«Могила!» — в ужасе поняла Саша и прыгнула в сторону от каменного креста.

Левая нога тут же угодила в какую-то яму, хрустнула и сделалась нестерпимо горячей. Саша едва не разрыдалась в голос. Больше всего ей сейчас хотелось позвать маменьку, отца, кликнуть слуг – даже горничную Агашу, если на то пошло… Но опасаясь выдать своё присутствие (ведь её ищут эти двое негодяев!) Саша, тоненько застонав, сцепила зубы и закусила губу: нет, нельзя кричать, нельзя!

Но что же делать? Теперь она не могла бежать. Саша застыла на месте. Ей было страшно посмотреть назад, а всякая попытка двигаться отдавалась болью в ноге.

И тут она услышала глухое ворчание. Совсем рядом.

Саша оглянулась: Белый Отрок – если это был он – исчез. Зато в полумраке между деревьями возникли две красные точки. И они приближались. Зверь!

Сейчас бросится, сомкнёт свои железные челюсти на беззащитной шее Саши. А ей не убежать. Не успеть!

- Помогите, – прошептала Саша. Затем, отбросив уже мысли об осторожности, крикнула изо всех сил. - Помогите!!!

Горло, однако, перехватил спазм и крик вышел слабым. Господи, неужели никто не придет на помощь?! Неужели…

Глава 4. ТЕНИ

Тверская губерния, господское имение в деревне Гусевка, август 1820 года, день накануне Праздника Преображения Господня.

Поздно вечером усталый возница остановил экипаж перед широким крыльцом приземистого господского дома с мезонином и примыкающими флигелями.

- Вот и ГУсевка. Приехали, господа!

Спавший все последние вёрсты пути Владимир вздрогнул во сне.

– Не трогай меня. Не подходи, - невнятно пробормотал он и попытался отмахнуться от чего-то, что ему снилось.

Алексей внимательно посмотрел на приятеля, прислушался. Тот как будто успокоился. И больше не произнес ни слова. Тогда Алексей легонько встряхнул его за плечо.

- Владимир, мы приехали. Очнись!

Он открыл дверцу экипажа, и, не дожидаясь, пока разложат складную ступеньку, спрыгнул на землю.

Слуги, выстроившись перед крыльцом с факелами, встречали своего господина. Алексей обошёл всех, по очереди заглядывая в лица. Из экипажа вылез, зевая, Владимир.

- О, наконец-то, твёрдая земля под ногами! – сказал он. - Веришь, Алексей, я уж было отчаялся. Думал, мы целую вечность так и будем ехать – трястись в темноте и холоде по колдобинам. У тебя разве не ноют все косточки? Я ног не чую. И, знаешь, мне ужасная чертовщина снилась… Какая-то мёртвая женщина с детьми. И дети-то на детей не похожи… Снег… А что тут все так молчат… зловеще?

Алексей, не обращая внимания на бормотание и расспросы приятеля, подошел к статному чернявому мужику - тот возвышался среди остальной челяди как столетний дуб среди молодых осинок. Огромные руки-лопаты, мощные плечи, насупленные кустистые брови придавали ему грозный вид пирата или предводителя шайки разбойников.

- Здравствуй, ПрокОп. Комнаты для меня и гостя готовы?

ПрокОп кивнул, глядя на хозяина исподлобья.

- Хорошо. Я вот друга привёз. Он медик… - Алексей и сам не понял, зачем сказал это. Опомнившись, похлопал по плечу великана-камердИнера. – Ты, ПрокОп, завтра вызови управляющего! Пусть придёт с утра, отчёт даст.

Обернувшись, Алексей позвал приятеля:

- Идём, Вольдемар! - и сам первый взошёл на крыльцо.

Владимир, удивляясь угрюмым лицам прислуги, последовал за ним. «Прямо замок Синей Бороды!» - мелькнула у юноши шальная мысль.

Миновав холодные сени, друзья вступили в жарко натОпленные комнаты. В большой гостиной был накрыт стол и уже стоял самовар, на пузатых медных боках которого играли веселые отблески огня, горящего в камине.

- Сейчас принесут ужин, – сказал Алексей. – Устраивайся, друг мой, будь как дома!

Пока дворовые молча носили сундуки и чемоданы, разгружая экипаж, а в кухне повар с кухаркой подогревали приготовленные загодЯ блюда, путешественники скинули отсыревшие дорожные плащи и присели в кресла у огня, чтобы выпить чаю.

Алексей был мрачен. Владимир, отогревшись, с любопытством оглядывался. Господский дом показался ему устроенным в английском стиле – в нем всё было небольшое, но уютное и со вкусом.

- Это ведь имЕние твоей матушки? Хорошенький домик, - сказал Владимир. – Непременно заведу себе такой же. Как только женюсь. Надобно только найти – на ком! - со смехом сказал он. Отставив пустую чашку, хлопнул по плечу молчаливого приятеля. – Как ты, однако, задумчив сегодня!

- Терпеть не могу этот дом, - откликнулся Алексей.

- Почему? – удивился Владимир.

- Не знаю, - сказал Алексей. – Тревожно здесь как-то. А ты ничего не чувствуешь? Здешние сквозняки и тени…

Разговор прервался с появлением слуг – и не возобновился.

Двое лакеев принесли ужин: бараньи отбивные с гУрьевской кашей и жареных голубей. Путники поели. Во всё время трапезы Алексей не проронил ни слова, а сразу после предложил разойтись по комнатам и отправиться ко сну.

- Не знаю, засну ли я, - посетовал Владимир. – Я, кажется, напротив, только теперь проснулся…

Алексей пожал плечами.

- Преимущества молодости. А я, видишь ли, старик, и устал. Если хочешь, распоряжусь, чтобы тебе принесли подогретого вина с мёдом. Отличное снотворное.

- Хорошо, - согласился Владимир.

- Когда захочешь спать, Митька отведёт тебя в твою комнату. Пока ты у меня, он будет тебе прислуживать, - указав на сутулого парня в синем казакине, сказал Алексей. - А я, с твоего позволения, откланяюсь.

Он ушёл. Владимиру принесли грог. Он устроился в кресле поудобнее, потягивая горячее вино. Дрова в камине почти догорели, но красные угли ещё вспыхивали время от времени от дуновения воздуха, и языки пламени принимались играть, разбрасывая вокруг причудливые отблески.

В доме было так тихо, что Владимиру показалось, будто он остался совсем один – забытый всеми, в каком-то старинном полуразрушенном замке и в эту плохо освещенную комнату вот-вот заявится холодный призрак. «Слишком тихо», - подумал юноша и поёжился.

- Митька! Эй, Митька! – позвал он негромко.

Митька безмолвно выступил из темноты. Оказывается, всё это время долговязый молодчик стоял рядом, скрываясь в темноте за высокой спинкой кресла. Владимир вздрогнул.

- Чёрт, ты здесь! - пробормотал он. Митька сделал большие глаза и перекрестился. – Ладно, веди меня спать. Делать тут всё равно нечего.

Митька послушно кивнул, взял со стола свечу и встал в дверях, ожидая. Владимир поднялся, отставил недопитый кубок с вином на каминную полку.

И вдруг заметил, что в простенке над очагом висит большая картина – портрет какой-то женщины. Разглядеть можно было лишь её пышное парчовое платье и нежные тонкие руки, лицо же скрывалось в тени.

Заинтересованный Владимир заставил Митьку подойти и поднять свечу повыше. Женщина на портрете была удивительно красива, но что-то в ее лице насторожило Владимира.

- Как будто я её где-то видел, - пробормотал он. – Кто это? – спросил он Митьку. – Чей портрет? Вот эта женщина, кто она? Хозяйка дома? Матушка твоего барина?

Митька молчал, лупая глазами, вжав голову в плечи.

- Да что ж ты молчишь-то, бестолочь?! – рассердился Владимир. – Что вы все тут такие молчаливые?!

Увидев, что барин разгневался, Митька замычал. Задрав голову, он открыл рот и стал махать рукой, показывая на язык внутри.

- Что? Что ты машешь? – брезгливо поморщился Владимир. Внезапно его осенило. Он отобрал у Митьки свечу и, подняв её, постарался разглядеть то, что показывал ему дворовый.

В красной пещере рта за кривыми редкими зубами языка не было. Там шевелился безобразный багрово-сизый обрубок.

Владимир отшатнулся.

- Это кто ж тебя так? – спросил он. Митька промычал что-то невнятное и, забрав у Владимира свечу, глянул на него снизу вверх. От этого взгляда – испуганного и виноватого, как у побитой собаки - Владимира бросило в испарину.

- Какое-то Средневековье, - пробормотал он. И окинул взглядом комнату, словно пытаясь убедиться, что он всё ещё в своём, цивилизованном 19 столетии, веке торжества разума и просвещения.

В полутёмной гостиной всё оставалось на своих местах. Красавица на портрете, освещённая пламенем свечи, смотрела на Владимира с печальной и беззащитной улыбкой. Она словно хотела назвать его по имени. В её зовущем взгляде чудилось что-то зловещее и одновременно - очень близкое и знакомое.

Чем больше Владимир смотрел на прекрасное лицо нарисованной женщины – тем сильнее его тянуло к ней. Напрягая глаза, он вглядывался в её черты, пытаясь понять - что же такого необычного в ней?

От случайного сквозняка тени качнулись, и Владимиру показалось, что женщина на портрете перевела взгляд. От неожиданности он едва не вскрикнул.

И вдруг понял: это уже было с ним. Он видел эту женщину во сне. Она звала его, и он шёл на её зов. И тогда она… она…

Внезапно перед глазами его все поплыло. Голова его закружилась, он покачнулся и чуть не упал, отчего был вынужден опереться на стоящего рядом Митьку.

- Дьявол, да это вино… Я пьян! Оно должно быть, крепче, чем я ожидал. И эта полутьма…

Волна удушливого страха прокатилась и схлынула. Владимир чуть не расхохотался.

- Веди меня спать, - сказал он Митьке. – Кажется, я начинаю понимать Алексея. Неприветливое жилище. Пожалуй, мне этот дом тоже не нравится.

***

На следующее утро он проснулся поздно и с тяжёлой головой. Одеваться к завтраку ему помогал не безъязыкий Митька, а белый, как лунь, старичок по имени Лукьян, который весьма ловко управлялся со своей работой – даром что был инвалидом. На правой руке Лукьяна не хватало трёх пальцев, отчего она напоминала крабовую клешню.

Выйдя прогуляться до завтрака, Владимир осмотрел дом внутри и снаружи и нашёл, что всё в нём устроено разумно, удобно, вполне по-европейски. Единственное, что не вписывалось в приятную картину – диковатый вид слуг. Люди в доме были как на подбор - молчаливы и угрюмы. Среди них оказалось много калЕк и стариков. Женщин среди прислуги Владимир не увидел никаких, окромя старухи-кухарки.

Вернувшись в гостиную, он застал хозяина дома возле погасшего камина – Алексей стоял, вглядываясь в женский портрет, уже знакомый Владимиру.

Мускулы на лице Алексея казались сведёнными судорогой, а глаза сверлили портрет с такой яростью, словно он только что задал красавице на картине какой-то вопрос и теперь ожидал от неё ответа – важного настолько, будто от этого зависела его жизнь.

- Доброе утро, Алексей! - сказал Владимир, входя в комнату.

- Доброе, мон шер. Как спалось? – вздрогнув и оторвавшись от напряженного созерцания, сказал Алексей.

- Недурно. Слава богу, нынче сны не мучали меня, – сказал Владимир. – А как тебе почивалось?

- А я не спал. Я много раз говорил тебе, Владимир: твои сны – не мучение, а дар. Научись только принять его.

- Ежели б мне приятное снилось! - вздохнул Владимир. Он подошёл ближе и встал рядом с Алексеем.

- Кто она? – спросил он, указывая на портрет неизвестной красавицы. Теперь, при свете дня, он уже не видел в лице прекрасной незнакомки ничего зловещего – только грусть и беззащитную нежность. Однако сильнее вглядываться он не стал, опасаясь испытать головокружение, подобное вчерашнему.

- Хозяйка дома, - нехотя ответил Алексей.

- Значит, твоя матушка? – уточнил Владимир. Алексей махнул рукой как-то неопределенно и тут же перевёл разговор на другое, явно не желая углубляться в тему.

Они отправились завтракать в столовую. Там было значительно светлее, окна комнаты выходили в сад – большой и ухоженный.

После завтрака – по-русски сытного, по-французски изысканного – приятели вышли прогуляться по заросшим дорожкам парка вокруг имения. По пути Владимир решился расспросить Алексея о странностях местной прислуги, замеченной им давеча.

- Калеки, инвалиды? – отвечал Алексей. - О, мой друг! Это причуды моего отца. Я говорил тебе: он служил когда-то в армии. Солдаты, воевавшие под его началом и получившие увечья на войне, нашли приют на его землях. Он дал им пенсии, хотя они, как мне всегда казалось, готовы были служить ему из одной преданности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.